

ОПИСАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА: ЛИНГВИСТИКА И «ЧТО-ТО ЕЩЕ» ИЛИ НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА?

А.В. КИРИЛИНА
alkira@list.ru

д-р филол. наук, профессор,
проректор по научной работе
Московской
международной академии
Москва, Россия

Ключевые слова:
*эпистема,
постнеклассика, языкознание,
лингвистический ландшафт,
метод*

DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.009

Метод описания лингвистического ландшафта (ЛЛ) города рассматривается в свете смены эпистемы и особенностей постнеклассических познавательных установок, меняющих представление о нормах и ценностях научного познания и отказывающихся от разграничения объекта и процесса в пользу процессуальности объекта. Утверждается изменение представлений о языке и его интерпретация как средства доступа к нелингвистическому знанию (язык как симптом), в результате чего языкознание в ряде случаев начинает играть роль набора вспомогательных методов для получения данных в других сферах знания.

Прагматический поворот в лингвистике и дискурсивный (лингвистический) в других гуманитарных областях знания неизбежно ведут к сближению всех научных дисциплин о человеке. Но этот факт ставит перед исследователями вопрос о том, как должны взаимодействовать различные дисциплины и каковы в целом новые нормы научного поиска. Кроме того, философия науки регистрирует на рубеже веков очередную смену эпистемы¹ [12], что также предполагает размышления о том, каковы теперь методологические основы исследования и – в нашем случае – что происходит в лингвистике и что делать лингвистам.

Смена эпистемы, как отмечает В.С. Степин [12], выражается в изменении научной картины мира и ее категориальной сетки; идеалов и норм исследования, а также философских оснований науки. Со времен эпохи Просвещения эпистема меняется в третий раз, и сегодня наука переживает постнеклассический этап, начавшийся на рубеже XX–XXI вв. и находящийся в процессе становления, что не отменяет, как считает обсуждаемый автор, «поле действия классической и неклассической рациональности» [12: 295]. Исследователи пользуются также иными терминами и говорят о постнеклассическом/постмодернистском/антинатуралистическом рассмотрении языка [10]. Четкого перехода от неклассики к постнеклассике не наблюдается, поскольку на данный момент образуется множество диффузных областей [12: 252].

Постнеклассика характеризуется, в частности, тем, что:

- углубляется рефлексия над научным познанием: признается социокультурная детерминированность научной деятельности – она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемый доминирующими в культуре ценностями;
- познающий субъект предстает как конструируемый и воспроизводимый в определенных социальных институтах;
- стираются грани между искусственным и естественным: искусственное предстает как вариант естественного;

¹ Это обусловлено переходом от исследования природы и ее законов к изучению человека и общества как саморазвивающихся систем.

- происходит переход от описаний к предсказанию состояний объекта – построение сценариев возможного развития в точках бифуркации; изучение уникальных объектов и снятие требования воспроизводимости, включение в исследование человека и общества социальной экспертизы и аксиологических факторов – в объяснения;
- объект и процесс не разграничиваются, объект признается процессуальным, т.е. находящимся в постоянном движении и изменении [12].

Смена взгляда на объект потребовала и новых методов, к числу которых, в частности, относятся конверсационный анализ, контент-анализ, теория обоснованности/теория восхождения к основам (*grounded theory*), этнографические методы, психоаналитический анализ текста (глубинная герменевтика), квантитативно-эвристический анализ текста, нарративная семиотика, критический анализ дискурса и др. Уже в конце XX в., по данным С. Титчера [23], наибольший индекс цитирования приходится на теорию восхождения к основам, этнографические методы, контент-анализ, критический анализ дискурса. Специфика названных методов состоит в том, что они не носят «чисто лингвистического» характера, хотя в исследованиях участвуют лингвисты. При их использовании применяются не только лингвистические теории, но и идеи социальной философии, социологии, психологии истории и др. научных направлений, что способствует развитию в первую очередь междисциплинарных областей знания – социолингвистики, изучения информационных средств, психолингвистики, гендерных исследований и др.» [4, 5].

Ускорение динамики развития языка, отмечаемое многими лингвистами, связано с происходящим в мире контингентным сдвигом [3]. В гегелевском понимании это скачок, характеризующий переход мира на следующий уровень развития. Однако развитие языка может интерпретироваться также с позиции роста наблюдаемости различных фактов, произошедшего благодаря развитию цифровых технологий, т.е. это скачок в развитии новых коммуникационных технологий и прежде всего – расширение сферы действия и интенсивности электронной коммуникации. Это и существенное обогащение инструментария лингвистических исследований, которое произошло также благодаря развитию электронной коммуникации, способной эксплицировать процессуальность объекта – зафиксировать речевые произведения, ранее существовавшие лишь в устной форме и потому труднонаблюдаемые, и захватить их

в динамике. Существует целый ряд динамических жанров, которые отражают повседневную рефлексию граждан, – это комментарии читателя, демотиватор [1, 8, 10], социальная сеть и ее составляющие и многие другие феномены.

Все это свидетельствует о некотором сдвиге фокуса, о получении при помощи средств языкознания информации, которая лингвистической не является, но требует глубоких экспертных знаний в сфере лингвистики. Расширение сферы применения лингвистики и самого представления о ней имеет следствием более узкую специализацию ученых:

1) не исчезает традиционная лингвистика (ей лишь перестают заниматься ВСЕ ученые) – типология, описание ранее неизвестных и мертвых языков и активных процессов в живых языках, сравнительно-историческое языкознание и т.д.;

2) сужается частный исследовательский фокус – формируются группы ученых-лингвистов, которые мало пересекаются и более контактируют с представителями других специальностей, занимающихся изучением того же объекта (исследование измененных состояний сознания предполагает даже контакт речеведов и химиков, но малоприспособно для контакта с представителями, например, сравнительно-исторического языкознания). Таким образом, более узкое проблемное поле изучается силами всех научных дисциплин, которые к нему применимы. Терминологически это выразилось в появлении и росте частотности лексемы *Studies* в английском и лексемы *исследования* в русском языке (например, *Gender Studies*/гендерные исследования и т.п.);

3) целью исследований нередко становится получение нелингвистического знания (яркий пример – социальная семиотика М. Хэллидея). И в этом случае лингвистика используется как набор (вспомогательных) методов для получения данных не о языке, а о процессах, происходящих в обществе и отдельных его группах. На наш взгляд, именно такое применение лингвистики расширяется, и это ни в коем случае не снижает значимость наук о языке как дисциплины. Напротив, экспертное знание лингвиста обогащает интегрированное научное поле.

Еще одна важная черта – ускорение всех процессов, в том числе языкового развития, вследствие глобализационного скачка и смены технологий. Усиливается использование языка как средства идеологического воздействия и конструирования социальной реальности *в комплексе с другими кодами* [2].

Специфика интерактивных жанров интернет-коммуникации установлена нами ранее [8, 10, 11], что позволило ввести понятие

динамического объекта (ДО): «*Динамический объект представляет собой постоянно находящийся в движении (т.е. «реагирующий») на актуальные общественные изменения, саморазвивающийся, осуществляющий экспансию в другие сферы и даже за пределы Интернета, но стабильно сохраняющий при этом свои основные формальные и содержательные признаки) наблюдаемый в динамической синхронии жанр интерактивной интернет-коммуникации». Примером ДО могут служить интернет-жанры «демотиватор», «комментарий читателя», «Аткрытка». К ним же можно отнести социальные сети и некоторые другие интернет-феномены. Однако понятие ДО можно распространить и на другие объекты, с виртуальной средой не связанные. Примером такого объекта является лингвистический ландшафт (ЛЛ) города. Именно с этих позиций мы рассматриваем его описание как новый метод [7, 9, 20, 21]. Описание языка городской среды не ново, но инновативным считается сам метод, который объединяет в себе лингвистический (и иной) анализ с нелингвистическим целеполаганием. По этой причине началом изучения ЛЛ считаются труды П. Бэкхауса [13–16].*

«*Лингвистический ландшафт/пейзаж (ЛЛ) – один из способов описания повседневного существования языка, состоящий в исследовании письменных знаков в пространстве городской среды*» [14]. Модель описания базируется на трех основных вопросах: «Кто создает ЛЛ? Для кого создается ЛЛ? Как развивается ЛЛ, каковы тенденции этого развития?» [14: 2], из которых только последний относится к собственно лингвистической компетенции, но он является и самым значимым.

«Данные обсуждаются с применением следующих девяти аналитических категорий:

- содержащиеся в знаках языка;
- закономерности комбинаций;
- различия между официальными и неофициальными знаками;
- закономерности географической дистрибуции;
- наличие перевода или транслитерации;
- порядок сочетания языков;
- проявление лингвистической идиосинкразии;
- сосуществование старой и новой версий данного типа знаков» [14: 2].

И в этом случае мы наблюдаем синкретизм лингвистического и нелингвистического знания. Значимые данные дает диахроническое описание ЛЛ – изменение режима функционирования языков (термин Ф. Кульма) может повлечь за собой изменение ЛЛ (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Передача иноязычных названий на афише 1990 г.

Рис. 2. Передача иноязычных названий на афише 1993 г.

Рисунки 1–2 иллюстрируют быструю экспансию латиницы. ЛЛ играет важную роль в любом исследовании трансформации языкового режима.

Модели многоязычных сигналов типологизируются. Так, М. Ре строит 4 модели:

- а) одна и та же информация на нескольких языках (duplicating multilingual writing);
- б) вся информация подается на одном языке и частично – на другом (fragmentary multilingualism);

в) разные части информации даны на разных языках с частичным наложением (overlapping multilingual writing);

г) разные части общей информации переданы на разных языках (complementary multilingual writing) [24: 10–14].

Отмечается, однако, что при исследовании надписей, которыми являются знаки городской среды, недостаточно лишь описания их языковых свойств. Необходимо учитывать сопутствующую визуальную информацию, которая нередко вносит существенные дополнения в языковой текст, например, наличие в нем грамматических, лексических и иных ошибок (Ср. надпись на чеке: *Пожалуйста, для отсутствия недоразумений сверьте... чек и ваши покупки* (выделено нами. – А.К.).

По мнению Дж. Колтена и Е. Дхоннахи, означивание использует язык по визуальному каналу и поэтому открывает пути выхода за пределы буквального значения знака, вызывает имплицитное значение (covert meaning) путем использования визуальных приемов – шрифта, цвета – и путем использования межъязыковых выражений и игры слов, которые в устной коммуникации невозможны [22]. Названные авторы обращают внимание на то, что системы записи задают выбор, который порождает значения независимо от содержания послания (например, латинский алфавит и стилизованное старинное письмо – руны и под.); означивание строится также и на возможности создавать языковые гибриды, которые помимо буквального значения служат еще какой-либо специальной цели.

Лингвистические ландшафты демонстрируют различные реакции на современность и глобализацию. Они отражают доминирующие тенденции языковых контактов, действие языковой политики, народные приоритеты и другие явления, не связанные с традиционным пониманием как лингвистического анализа, так и самого языка.

Таким образом, метод описания ЛЛ позволяет получить многогранное и далеко не всегда чисто лингвистическое знание: может быть изучено изменение семантики, изменение витальности языка, взаимодействие языков, что особенно важно для нашей страны, где экспансия английского и других языков произошла быстро и при отсутствии протекционистской языковой политики. Широкий простор открывается для исследования взаимодействия вербальных и невербальных знаков и многих других явлений. Однако неправомерно было бы говорить о том, что к описанию языка присоединяется «описание чего-то еще», а в итоге получается описание ЛЛ. Правильнее было бы отметить обновление

интерпретации языка, т.е. изменение его модели с учетом новых тенденций его развития и новых возможностей его наблюдения и новых инструментов его описания.

Основное отличие постнеклассического подхода от предыдущих состоит в признании сложности и высокой динамичности изучаемого объекта. Постнеклассическая эпистема видит в объекте процесс – саморазвивающуюся систему, находящуюся в постоянном движении. Объект существует в так называемых пространственно-временных окнах, и переход от одного окна к другому может привести к продолжению его существования, но может и вызвать его гибель. Этот факт позволяет говорить о точках бифуркации.

Рассмотрение лингвистического объекта как процесса предполагает признание его постоянной изменчивости и – как следствие – отказ от сосюррианской модели язык/речь [18]. Расположение текстов ЛЛ в ряду других визуальных знаков и даже мобильность надписей (например, надписи на автомобилях) заставляет типологизировать эти сущности с учетом новых факторов и интерпретировать явления языка вместе с неязыковыми явлениями, открывать (прилагая довольно значительные усилия) скрытые слои жизни языка в мегаполисе. Например, при помощи ряда сервисов «Гугл» обнаружены точки сосредоточения объявлений на узбекском языке в Санкт-Петербурге, выполняющие роль арго и маркера «только для своих» [17].

Мы не имеем возможности назвать все формы и методы существования и интерпретации языка/языков в мегаполисе, которые и не исчерпаны. Представляется, что изложенное в достаточной мере демонстрирует изменение представлений о языке и его жизни.

Отечественный ЛЛ интересен и с точки зрения быстрого перехода от практически полного моноязычия к (нередко принудительному) многоязычию. Для него характерны следующие черты (особенно в мегаполисах):

- возросшая интенсивность языковых контактов: языки, ранее во взаимодействие не вступавшие или контактировавшие лишь в ограниченной степени, сегодня взаимодействуют;
- высокая диахроническая динамика, быстрое (часто принудительное) движение в сторону мульти- и транслингвальнойности;
- растущая мультимодальность городской среды (например, визуализация метафорического переноса (см. рис. 3);
- заметное уменьшение публичных политических агитационных надписей при росте надписей рекламных;
- рост «наивных переводов» [6, 19];

Рис. 3. Визуализация метафорического переноса: устойчивое фразеологическое сочетание «распилить деньги» выражено частично вербально, частично рисунком пилы и летящих из-под нее банкнот.

- резкий рост трансгрессивных («вторгающихся») знаков (часто созданных частными лицами и отражающих отношение индивида к миру);
- аксиологические изменения через новые общественные знаки и их семантику;
- появление «фикциональных ЛЛ» в виртуальной среде.

Рис. 4. Пример фикционального ЛЛ Екатеринбурга. Памятник Ельцину представлен в виде водочной бутылки, что намекает на пристрастие бывшего государственного лидера к алкоголю, а также является проявлением социальной критики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Н.Г. «Демотиваторы со смыслом» и наивные толкования: о соотношении вербального и визуального // Антропологический форум. 2014. № 21.
2. Вдовиченко А.В. Критическая ретроспектива лингвистического знания. Расставание с «языком»: Монография. М., 2007.

Фикциональный ландшафт, по нашему мнению, – визуальный аналог народной этимологии – сознательная коррекция образа городской среды с целью приблизить ее к реальности (как представляют ее себе авторы картинки).

Наконец, ЛЛ – это и реакция на актуальные события через изменение визуальной среды города (рис. 5).

Рис. 5. Появление социально значимого мультимодального изображения на стене дома 17 по Нахимовскому проспекту в Москве в 2014 г. после возвращения Крыма в состав РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод о трансформации представлений о языке и трансформации лингвистического описания, которое в междисциплинарном исследовании нередко играет роль набора вспомогательных методов для получения важного нелингвистического знания, а сам язык рассматривается как симптом изменений нелингвистического характера. ■

- Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
- Кирилина А.В. Когнитивная наука и новая эпистема гуманитарного знания / Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: Сборник статей в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009.
- Кирилина А.В. Русский язык в мегаполисе как индикатор изменения языковой ситуации // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии / Под ред. В.В. Ждановой. München, Berlin; 2009.
- Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 2.
- Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: Сборник статей. Научное электронное издание / Отв. ред. В.И. Заботкина. М., 2011. cognitive.rggu.ru/council/bulleten/bulleten.pdf.
- Кирилина А.В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксация повседневности / Полифония большого города. Сборник научных статей / Под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кирилиной. М., 2012.
- Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 24. Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация».
- Кирилина А.В. Постнеклассическая эпистема и понятие динамического объекта в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4.
- Кирилина А.В. Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 31 (17).
- Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб., 2009.
- Backhaus P. Signs of multilingualism in Tokyo – a diachronic look at the linguistic landscape // International Journal of the Sociology of Language. V. 2005. Issue 175–176.
- Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). New York; Ontario, 2007.
- Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective. Florian Coulmas (ed.). Language Regimes in Transformation. Future Prospects for German and Japanese in Science, Economy, and Politics (Contributions to the Sociology of Language 93). Berlin; New York, 2007.
- Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective // E. Shohamy, D. Gorter (eds). Linguistic Landscape. Expanding the Scenery. Routledge, Ny-Oxon, 2009.
- Baranova V., Fedorova K. 'Dear guests' or 'unwelcomed intruders'? How minority languages are represented in St. Petersburg's linguistic landscape. hf.uio.no/multiling/english/news-and-events/events/conferences/2018/linguistic-landscape/schedule-web-version.pdf.
- Blommaert Jan A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge, 2010.
- Kirilina A.V. Translation/Interpretation and Language Consciousness in Dynamic Synchrony: Mental Boundaries of a Language (on Example of the Russian Language in Moscow) // Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 236, 14 December 2016.
- Kirilina A. Linguistic Landscape of Moscow: Trends and Features // Linguistic landscapes: Public signage as an area of language contacts and conflicts. October 4–5, 2018, MultiLing, University of Oslo. Тезисы международного семинара. hf.uio.no/multiling/english/news-and-events/events/conferences/2018/linguistic-landscape/schedule-web-version.pdf.
- Kirilina A.V., Kuptsova G.I. Multilingualism in the Linguistic Landscape of Moscow Based on Inscriptions on Children's Toys // International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Atlantic press. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Volume 315. 2019.
- Kalten J.L., Dhonnache E. Hh. Language and Inter-language in Urban Irish and Japanese Linguistic Landscapes // E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni (eds). Linguistic Landscape in the City. North York, 2010.
- Methoden Der Textanalyse (Hrsg von S. Titscher). Wiesbaden, 1998.
- Reh M. Multilingual writing: A reader oriented typology – with examples from Lira Municipality (Uganda) // International Journal of Sociology of language. 2004. № 170.

References

- Bragina N.G. «Demotivatory so smyslom» i naivnye tolkovaniya: o sootnoshenii verbal'nogo i vizual'nogo // Antropologicheskij forum. 2014. № 21.
- Vdovichenko A.V. Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya. Rasstavanie s «yazykom»: Monografiya. M., 2007.
- Ivanov D.V. Virtualizaciya obshchestva. Versiya 2.0. SPb., 2002.
- Kirilina A.V. Kognitivnaya nauka i novaya epistema gumanitarnogo znaniya / Gorizonty sovremennoj lingvistiki. Tradicii i novatorstvo: Sbornik statej v chest' E.S. Kubryakovoj. M., 2009.

5. Kirilina A.V. Russkij yazyk v megapolise kak indikator izmeneniya yazykovoj situacii // Russkij yazyk v usloviyah kul'turnoj i yazykovoj polifonii / Pod red. V.V. Zhdanovoj. München, Berlin, 2009.
6. Kirilina A.V. Perevod i yazykovoe soznanie v dinamicheskoj sinhronii: psihicheskie granicy yazyka (na materiale russkogo yazyka Moskvy) // Voprosy psiholingvistiki. 2011. № 2.
7. Kirilina A.V. Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novyj mezhdisciplinarnyj metod issledovaniya yazyka // Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: Sbornik statej. Nauchnoe elektronnoe izdanie / Otv. red. V.I. Zabolotkina. M., 2011b. cognitive.rggu.ru/council/bulleten/bulleten.pdf.
8. Kirilina A.V. Zhanr «demotivator» kak proyavlenie polifonii i fiksaciya povsednevnosti / Polifoniya bol'shogo goroda. Sbornik nauchnyh statej / Pod red. L.M. Terentiya, V.V. Krasnyh, A.V. Kirilinoj. M., 2012.
9. Kirilina A.V. Opisanie lingvisticheskogo landshafta kak novyj metod issledovaniya yazyka v epohu globalizacii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2013. № 24. Vyp. 5 «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya».
10. Kirilina A.V. Postneklassicheskaya epistema i ponyatie dinamicheskogo ob'ekta v lingvistike // Voprosy psiholingvistiki, 2014. № 4.
11. Kirilina A.V. Internet-zhanr «kommentarij chitatelja» // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2015. № 31 (17).
12. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. L.P. Kiyashchenko i V.S. Stepin. SPb., 2009.
13. Backhaus P. Signs of multilingualism in Tokyo – a diachronic look at the linguistic landscape // International Journal of the Sociology of Language. V. 2005. Issue 175–176.
14. Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). New York; Ontario, 2007.
15. Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective. Florian Coulmas (ed.). Language Regimes in Transformation. Future Prospects for German and Japanese in Science, Economy, and Politics (Contributions to the Sociology of Language 93). Berlin; New York, 2007.
16. Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective // E. Shohamy, D.Gorter (eds). Linguistic Landscape. Expanding the Scenery. Routledge, Ny-Oxon, 2009.
17. Baranova V., Fedorova K. 'Dear guests' or 'unwelcomed intruders'? How minority languages are represented in St. Petersburg's linguistic landscape. hf.uio.no/multiling/english/news-and-events/events/conferences/2018/linguistic-landscape/schedule-web-version.pdf.
18. Blommaert Jan A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge, 2010.
19. Kirilina A.V. Translation/Interpretation and Language Consciousness in Dynamic Synchrony: Mental Boundaries of a Language (on Example of the Russian Language in Moscow) // Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 236, 14 December 2016.
20. Kirilina A. Linguistic Landscape of Moscow: Trends and Features // Linguistic landscapes: Public signage as an area of language contacts and conflicts. October 4–5, 2018, MultiLing, University of Oslo. Tezisy mezhdunarodnogo seminara. hf.uio.no/multiling/english/news-and-events/events/conferences/2018/linguistic-landscape/schedule-web-version.pdf.
21. Kirilina A.V., Kuptsova G.I. Multilingualism in the Linguistic Landscape of Moscow Based on Inscriptions on Children's Toys // International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019) Atlantic press. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 315. 2019.
22. Kalten J.L., Dhonnache E. Hh. Language and Inter-language in Urban Irish and Japanese Linguistic Landscapes // E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni (eds). Linguistic Landscape in the City. North York, 2010.
23. Methoden Der Textanalyse (Hrsg von S. Titscher). Wiesbaden, 1998.
24. Reh M. Multilingual writing: A reader oriented typology – with examples from Lira Municipality (Uganda) // International Journal of Sociology of language. 2004. № 170.

A.V. Kirilina

DESCRIPTION OF THE CITY LINGUISTIC LANDSCAPE: LINGUISTICS AND «SOMETHING ELSE» OR A NEW LANGUAGE UNDERSTANDING?

Episteme, post-nonclassics, language knowledge, linguistic landscape, method.

The method for describing the linguistic landscape (LL) of a city is considered in the light of changes in the episteme and features of post-non-classical cognitive attitudes, changing the notion of the norms and values of scientific knowledge and refusing to distinguish between an object and a process in favor of the processuality of the object. It also confirms the change in the concept of language and its interpretation as a means of access to non-linguistic knowledge (language as a symptom), as a result of which linguistics in some cases begins to play the role of a set of auxiliary methods for obtaining data in other areas of knowledge.